

ОПТИМИСТИЧЕСКАЯ ТРАГЕДИЯ. МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ К 100-летию РККА

Трагическая история 1-го Морского Кронштадтского полка до сегодняшнего дня полна тайн и недомолвок. Нам 1-й Кронштадтский полк известен, прежде всего, знаменитым по знаменитому фильму (пьесе В. Вишневого) «Оптимистическая трагедия». Разумеется, что «Оптимистическая трагедия» это произведение художественное и ссылаться на него нельзя. Фильм и пьеса лишь передают общую фабулу тех далеких событий.

Итак, что известно о 1-м Кронштадтском полку? В сентябре 1918 года комиссар Балтийского флота И.П. Флеровский дал указание сформировать морской полк для «усмирения контрреволюционеров». В двухбатальонном полку по штату значилось 2131 человек личного состава. Однако с укомплектованием полка с самого начала возникли трудности. 500 матросов-добровольцев с кораблей находящихся в Кронштадте и местных береговых частей явно не хватало. В связи с этим полк был доукомплектован бывшими мобилизованными матросами из деревень Новгородской, Тульской, Вологодской, Рязанской, Вятской, Московской, Пермской и других губерний. Насильно оторванные от домов и семей мобилизованные разительно отличались по своему настроению от реальных кронштадцев. При этом их количество составляло практически три четверти общей численности полка. Большевиков мобилизованные не жаловали. Партийная прослойка в полку была слабая. Анархистские и левоэсеровские настроения преобладали уже и среди самих кронштадцев. В классовом отношении большая часть полка не была пролетарской, скорее ей была присуща мелкобуржуазная, крестьянская психология. Комиссаром полка был назначен старшина гальванер с линкора «Петропавловск», делегат V Всероссийского съезда Советов большевик С.В.Киселев, военкома батальоном матросы-большевики Никифоров, М.Ф. Бабин.

Командный состав полка, батальонов и рот подбирался из внешне лояльного советской власти офицерства. Командиром полка был назначен бывший подполковник по Адмиралтейству, командир 2-го Кронштадтского крепостного Морского пехотного полка Н.Ю. Татаринов. Его ближайшими помощниками были капитан 2-го ранга Иванов и командир 1-го батальона П. Кокоулин. Вначале полк подчинялся Кронштадтской крепостной морской бригаде. В 20-х числах октября полк перешел в подчинение Петроградского окружного военного комиссариата.

Что касается мобилизованных матросов, которые не скрывали своей антипатии к советской власти, то уже в октябре 1918 года был срочно издан приказ о том, что все призываемые моряки должны назначаться в части Красной Армии, а не в отдельные матросские части. Но 1-й Кронштадтский полк к этому времени уже был сформирован и готовился к отправке на фронт.

С самого начала формирования в полку началось недовольство. Вначале из-за плохого снабжения обмундирования и боевым снаряжением. Затем матросы начали требовать денежный аванс

и улучшения питания. Было очевидно, что долго держать в Кронштадте полк нельзя – может начаться буза. Поэтому, не затягивая дела, уже 1 ноября 1-й Морской Кронштадтский полк двумя эшелонами был отправлен из Петрограда на Восточный фронт.

Неприятности с кронштадцами начались уже в пути. В Тихвине матросы разграбил местный военный комиссариат и поживились за его счет, а в Череповце устроили пьяные грабежи у местного населения, «присвоив имущество железнодорожников». В Вологде полк осмотрел командующий 6-й армией, который поблагодарил матросов за то, что они воздержались от грабежей во время стоянки на станции. Кроме того, едва эшелоны останавливались на очередной станции, матросы дезертировали целыми ротами.

7 ноября полк прибыл в Пермь в распоряжение командования 3-й армии. На следующий день полк был направлен в Кунгур в распоряжение начальника 4-й Уральской дивизии. 9 ноября 1918 года 1-й Морской Кронштадтский полк вошел в состав 4-й (30-й) дивизии. Командование дивизии предприняло меры для дообмундирования и довооружения полка.

В докладе комиссара управления Особых формирований при штабе 3-й армии указывалось, что «1-й Морской Кронштадтский полк прибыл в Пермь вместо двух тысяч только 1136, остальные 864 дезертировали на дороге». Иными словами, в Пермь прибыло около 57 % наличного состава полка. По другим данным из 2131 матроса разбежались 1298, т.е. прибыло в Пермь всего 833 матроса (около 40%). Правда несколько дней спустя в полк вернулось еще 337 нагулявшихся матросов, а затем под конвоем доставил из Вятки и тридцать пойманных там дезертиров. Однако более половины личного состава кронштадцы в Перми все же недосчитались. Можно только представить моральную ситуацию в воинской части, из которой дезертировало больше половины личного состава еще по дороге на фронт. По большому счету такую часть надо было разворачивать с полдороги обратно и расформировывать, ибо ожидать каких-либо успехов от таких вояк было уже невозможно в априори. Но никто обратно полк не завернул...

Помимо массового дезертирства, среди добравшихся до Перми матросов (надо понимать, наилучших!) процветало пьянство, драки, грабежи. Политическая атмосфера в полку явно оставляла желать лучшего. 19 ноября в приказе по полку отмечалось, что «некоторые моряки позволяют себе сквернословить и вести непристойно по отношению своих хозяев обывательской квартиры, а также в общественных местах». Обращая внимание на то, что «один человек может покрыть дурной славой весь полк», в приказе предписывалось командирам «внушать морякам, что подобные инциденты неуместны и что за них в полосе фронта виновные могут понести очень строгую кару». Такое начало боевой деятельности не предвещало ничего хорошего.

Знакомство местного начальства с кронштадцами было не радостным. Начальник 30-й дивизии В.К. Блюхер сгоряча телеграфировал, что в таком пополнении он не нуждается.

Командующий Восточным фронтом С.С. Каменева и член Реввоенсовета фронта И.Т. Смилга, ознакомившись с ситуацией в полку, распорядились... первое: присылку моряков на фронт прекратить... второе: отправку моряков исполнить. Однако отправка с фронта целого полка была бы неправильно понята в Москве и матросов оставили. Да и Блюхер, втянувшись в тяжелые оборонительные бои, уже не настаивал на убытии матросов столь категорично. Полк вошел в состав 6-й бригады 30-й стрелковой дивизии.

Следует отметить, что 1-й Кронштадтский полк был далеко первым флотским соединением, отправленным на Восточный фронт. К этому времени там уже приняли боевое крещение при защите Самары 8 июня 1918 г. младшие специалисты Самарского воздушного дивизиона морской авиации и 580 бойцов прибывшего из московского Сводного отряда балтийских моряков. В июле 1918 года, после V-го съезда балтийских моряков, признавшего необходимость активного формирования отрядов для сухопутных фронтов на восток был отправлен 1-й экспедиционный отряд Балтийского флота.

В составе Волжской военной флотилии 5 сентября 1918 года была создана и первая штатная десантная часть морской пехоты - Особый отряд моряков (151 человек) под командованием матроса А.А. Грицая. В него вошли моряки Петроградского отряда коммунистов, Нижегородской базы, дивизиона моторных катеров-истребителей, плавбатарей "Сережа", вооруженных пароходов "Дельфин" и "Ташкент".

Помимо этого на различных участках Восточного фронта воевали: 41-й Казанский социалистический батальон военных моряков (260 матросов, командир А.С. Водоватов), 1-й Сводно-партизанский отряд красных балтийских моряков (300 матросов, командир И. Соболев), Ревельский партизанский батальон матросов (700 матросов, 3 орудия, 38 пулеметов, командир Кутузов), Петроградский отряд моряков-коммунистов (50 матросов, комиссар матрос В.В. Драницын), 5-я Кронштадтская легкая морская батарея (140 матросов, 4 76-мм орудия, командир матрос А.К. Сивков), бронированный поезд № 4 Сводно-революционных войск "Свобода или смерть!" (командир матрос А.В. Полупанов) и другие морские части. Большинство из них к осени 1918 г. в результате упорядочения организационной структуры войск и ликвидации отрядной системы вошли в состав стрелковых полков и артиллерийских дивизионов. А на основе прибывшего в 1-ю армию из Западного участка отрядов завесы 2-го Петроградского морского отряда (220 матросов, командир М. Зеленков) был развернут 2-й Петроградский стрелковый полк (540 человек). И все же 1-й Морской Кронштадтский полк являлся самым крупным соединением, которое Красный флот отправил на восток страны.

Летом и осенью 1918 года Восточный фронт был главным фронтом для Советской республики. Дело в том, что ситуация на востоке страны ухудшалась стремительно. К декабрю 1918 года Колчаку удалось сформировать 250-тысячную армию. Основным удар командование белогвардейской армии предполагало нанести по войскам 3-й армии, захватить Пермь и в районе Вятки-Котласа выйти на соединение с интервентами, действовавшими на севере, для общего наступления на Москву. Во второй половине ноября на Восточном фронте установилось временное затишье. В конце ноября Реввоенсовет Восточного фронта отдал приказ о наступлении для освобождения Екатеринбурга, Уфы, Оренбурга и Уральска. Наступление Красной армии наиболее успешно развивалось на центральном и южном участках фронта. Иначе разворачивались события на северном крыле Восточного фронта, где действовала 3-я армия, прикрывавшая Пермь. Противник сосредоточил на Пермском направлении отборные части - около 50 тыс. штыков и сабель. Колчаковцы, перехватив инициативу, обрушились на левый фланг 3-й армии.

2 декабря начальник 30-й дивизии приказал сводному отряду Фандеева (куда был включен 1-й батальон Кронштадтского полка) перейти в решительное наступление вдоль тракта и, заняв село Матвеевское, энергично действовать во фланг и тыл противника.

4 декабря двум ротам и команде разведчиков 1-го батальона Кронштадтского полка было приказано занять позицию в деревню Березовая Гора. Утром 5 декабря 2 роты 1-го батальона без боя заняли Нижние Исады, продвинулись к Березовой Горе и не обнаружили противника. Однако разведка, высланная дальше в сторону села Матвеева, вскоре была обстреляна.

7 декабря командир Кронштадтского полка Н.Ю. Татаринов телеграфировал в 30-ю дивизию, что в село Березовское прибыл 2-й батальон полка, который с оперативной частью штаба направлен в Сосновское. В селе Березовская были оставлены хозяйственная рота, часть саперной и команды связи.

В ночь с 7 на 8 декабря белогвардейцы предприняли глубокий обходной маневр, окружили Верхние Исады и целиком захватили в плен спящих матросов 5-й роты. Белые, входя в избы, заставляли матросов спящими, раздетыми, захватывали сразу же оружие. Кто не поднимал рук - кололи штыками. Пулеметчиков стреляли сразу.

Как можно было захватить на передовой спящую роту непонятно. Здесь одно из двух: или не было дозоров, или дозорные, да и вся остальная рота были пьяны. О том, какая дисциплина царила в роте, говорит тот факт, что матросы спали в избах раздетыми.

В Верхних Исадах противник занял круговую оборону, установил пулеметы, построил смежные окопы. В результате ночного маневра белогвардейцы перерезали дорогу, которая была коммуникацией между селом Сосновским и Березовой Горой. 1-й батальон Кронштадтского полка и эскадрон кавалеристов 1-го Уральского полка оказались отрезаны.

Из Верхних Исад колчаковцы развернули наступление в тыл батальону матросов в деревни Сая и Березовая Гора, а так же в сторону села Сосновское. В результате 1-й батальон Кронштадтского полка и кавалеристы Уральского полка (во главе с комэском К.К. Рокоссовским), занимавшие Саю и Березовую Гору, оказались в кольце окружения. Как отмечалось в оперсводке 30-й дивизии, «оставался только узкий проход в восточном направлении, но доблестные моряки, несмотря на утомление трехдневным боем, артиллерийский огонь противника и превосходящие его силы, не пожелали воспользоваться оставшимся проходом, чтобы выйти из кольца, и стойко отражали все атаки». Моряки Кронштадтского полка при поддержке кавалеристов К.К. Рокоссовского сумели обратить колчаковцев в бегство. Как сообщалось в донесении командира полка, «в 17 часов противник открыл оружейный, пулеметный и ружейный огонь и держал его до 20 часов, пока под его прикрытием не убрал убитых и раненых».

Для того чтобы ликвидировать опасный фланговый прорыв колчаковцев, захвативших Исады и Мачино, а также облегчить положение 1-го батальона Кронштадтского полка в Сае и Березовой Горе, командование отдало приказ о наступлении 2-го батальона Кронштадтского полка и эскадрона кавалеристов. После нескольких часов атаки Верхние и Нижние Исады были заняты ротами 2-го батальона. Таким образом, нависшая угроза полного окружения 1-го батальона была ликвидирована. Командир Кронштадтского полка писал, что «настроение у моряков было неважное после того, как они просидели в кольце более 6-7 часов, да еще в продолжение 4 ночей отбивали атаки противника».

Надо отметить, что потери Кронштадтского полка были относительно небольшими.

В следующую ночь противник обошел 3-ю и 4-ю роты с тыла и атаковал позицию кронштадцев. Связь полка с Березовой Горой была прервана. Но ночная атака была отбита. Около 6 часов утра атака возобновилась. Не выдержав ружейного и пулеметного огня балтийцев, неся большие потери, противник отступил. В середине дня цепи атакующих дрогнули, и колчаковцы начали отступать. «Моряки расстреливали отступающего противника, залезали на крыши сараев и ставили пулеметы, не обращая внимания на то, что противник бьет по ним из орудий шрапнелью и гранатами», - сообщал командир 1-го батальона. Отступив, белогвардейцы подвергли моряков артобстрелу. Затем под прикрытием оружейного, пулеметного и ружейного огня вновь перешли в атаку. В этот критический момент командир Кронштадтского полка Татаринцов получил тревожное донесение от командира 1-го батальона Кокоулина: «Спасайте! С 4 часов окружены противником. Патроны на исходе, пулемет действует только один, моряки изнервничались. Много раненых и убитых. Противник настойчиво ведет атаку за атакой. Крепко стою и буду стоять до последней пули и штыка, и суди бог меня за это». Впрочем, все попытки колчаковцев выбить моряков из Саи и Березовой Горы оказались безрезультатными.

В 23 часа 9 декабря в Саю на смену 1-му батальону прибыли 6-я, 7-я и 8-я роты и 2-й батальон. В ночь с 9 на 10 декабря 1-й батальон начал перебазируться в Верхние и Нижние Исады.

К этому времени, изматывающие атаки белогвардейцев и уральский мороз привели к резкому ухудшению морального состояния матросов 1-го батальона.

Матросы были возмущены (и не без основания) нерасторопностью командования, которое в течении двух суток не могло перебросить за несколько верст 2-й батальон на выручку 1-му.

Тем временем, Блюхер поставил задачу не допустить продвижения противника по тракту Матвеево-Кунгур. Выполнение приказа возлагалось на Кронштадтский полк, поскольку других пехотных частей в этом районе больше не было. Было приказано нанести удар по белогвардейцам и выбить их из деревни Курбаты

Выполнение боевой задачи возложили на 1-ю роту 1-го батальона, которая только что прибыла в Сосновское после боев под Саей. 1-я рота направлялась на Курбаты. Для флангового удара на Курбаты командир полка должен был выдвинуть взвод 3-й роты, которая находилась в Нижних Исадах. Таким образом, наступление возлагалось на роты 1-го батальона, которые после боев 5-9-го декабря уже были морально подавлены

Узнав о том, что им предстоит, матросы идти в бой попросту отказались, заявив, что «если пойти, так пойти целым полком, а не отдельными кучками». Их поддержали пулеметчики, заявив: «Мы с одним взводом не пойдем, ибо рискуем оставить пулеметы у противника».

Из стенограммы разговора по прямому проводу командарма Лашевича и командования 30-й дивизии 10 декабря 1918 года: «Только благодаря особой самоотверженности матросов и красных гусар мы удерживаем пункты... Люди Кронштадтского полка сильно устали, ведя непрерывные бои, страдают от холода, не имея теплой одежды, опухли, глаза покраснели...»

11 декабря из Сосновского в Верхние Исады прибыла 1-я рота, которая так же отказалась от выступления на Курбаты. Положение в 1-й роте было сложным: в ночь на 10 декабря она совершила переход из Саи в Сосновское, затем, получив приказ о наступлении, практически без отдыха была направлена в Верхние Исады для наступления на Курбаты. Отказ от выполнения приказа свидетельствовал о деморализации матросов.

Узнав об этом, Блюхер, все же решил 12 декабря провести атаку на Уткино и Мачино. Рота моряков 2-го батальона наносила удар во фланг противника на Уткино со стороны Саи

В ночь с 12 на 13 декабря 2-я рота 1-го батальона должна была занять исходные позиции. Удар планировалось нанести по левому флангу белогвардейцев в район Уткино - Мачино. Выполнение задачи возлагалось на 1-й и 2-й Кунгурские полки, а также на роты 1-го и 2-го батальонов Кронштадтского полка. В ответ на это распоряжение матросы 3-й роты собрались на митинг. При этом они были вооружены, чтобы их не разогнали

пулеметчики. На митинг прибыл комиссар полка, которому матросы заявили, что, по слухам, Петроград занят союзниками, «а их маленькая горсть заброшена сюда и им не за что воевать...» Выступавшие с речами матросы-большевики успеха не имели. Атмосфера сгущалась, и комиссар, услышав крики «давай его сюда», сбежал

На митинге матросы проголосовали за то, что в наступление ни под каким видом не пойдут. Заодно выразили претензии Советской власти за разрыв дипломатических отношений с союзниками, осудили действия комиссаров и Советов. Затем решили послать делегатов в Петроград для осведомления с положением, ну, а напоследок проголосовали... за сдачу в плен. При этом на митинге верховодили мобилизованные и, в первую очередь, пойманные дезертиры. Итоги митинга стали известны во всех других подразделениях полка, в результате чего почти все матросы 1-го и 2-го батальона решили сдаться в плен. Пока шли митинги и выяснялись отношения с командованием и комиссарами, колчаковцам удалось окружить Верхние и Нижние Исады. 1-я, 3-я и 4-я роты 1-го батальона оказались в кольце.

Несколько ранее описываемых событий, выполняя приказ, 2-я рота во главе с командиром 1-го батальона Кокоулиным выступила из Верхних Исад на деревню Уткино. О том, что же произошло дальше, историки не располагают никакими данными, кроме донесения Кокоулина командиру полка Татаринovu.

Вот это донесение: «Отошедши с ротой на 3/4 версты от д. Верхние Исады, услышал сзади меня в деревне стрельбу, остановил роту, узнать что такое. Вдруг прибегает связь от роты Кунгурского полка и докладывает, что роты Кунгурского полка попали в плен противника. Во время доклада прибегает наш моряк, отставший от 2-й роты, и сообщает, что противник наступает на 1-ю и 4-ю роты. Я быстро повернул роту назад на выручку 1-й и 4-й ротам своего батальона, только добежал с ротой до северной окраины деревни, как вся деревня была в руках противника и вдоль деревни бежали колонны с криком «ура». Подал команду открыть огонь залпом, но не один такого не произвел. Категорически начал кричать и подал команду «пальба ротою», по этой команде один из моряков дал мне по затылку и выстрела ни один не сделал, но, не обращая на это внимания, усиленно приступил, чтобы броситься в контратаку, но все усилия и энергия были бесполезны. Моряки вместо контратаки начали бросать винтовки в снег. Видя безвыходное положение, так как первые были в руках противника, крикнул мерзавцам: «Спасайтесь, кто, как может, я вас покидаю». Только успел перелезть через забор, как противник крикнул: «Руки вверх, сдавайтесь в плен». Минут 15 лежал я за забором и слышу крики противника: «Выходи, выходи, стройся», и в то же время слышны выстрелы и временами пулеметная стрельба в деревне Нижние Исады, где стояла 3-я рота. После чего решил во время темноты добраться до леса...»

14 декабря в село Сосновское продолжали прибывать одиночные матросы 1-го Морского Кронштадтского полка. Большинство из них имело колотые раны.

Командир полка Н.Ю. Татаринов докладывал, что «прибежавшие же 14-го декабря двое моряков сказали, что 2-й батальон, стоявший в деревне Сая, «был окружен и атакой взят противником». Взятые в плен матросы частично были перебиты, частично отправлены в Нижние Исады. Прибежавший моряк из Верхних Исад сообщил, что все трупы моряков, в числе около 250, были вывезены на поле близ Исад и сброшены в кучу, к трупам моряков были приставлены часовые, которые добивали подававших еще признаки жизни.

Командование, со слов возвращавшихся матросов, судьбу батальона выяснить не смогло. Одни рассказывали, что 2-й батальон разделил судьбу 1-го. Другие говорили, что 2-й батальон 13-го вечером еще держался. Третьи сообщали, что о судьбе 2-го батальона ничего не знают, но слышали 13-го редкую перестрелку.

Затем было выяснено, что после короткой, не более как получасовой перестрелки, деревня Сая была занята белыми. Несмотря на внезапное наступление белогвардейцев,

некоторые из моряков отбивались до последнего, втаскивали пулеметы в баню, так как на морозе они отказывались работать. Комиссар Семен Киселев собрал коммунистов и отдал приказ: «Держаться до последнего, а там бить штыками и рвать зубами». Свирепая установка не помогла, хотя самому Киселеву удалось спастись. Затем, все, кто не желал драться, а не идти в плен, смогли пробиться к своим, остальные (которых было подавляющее большинство), не оказав почти никакого сопротивления, сдались. Почти сразу половина матросов, добровольно сдавшаяся в плен, была переколота штыками.

Свидетель Е.В. Брагина впоследствии рассказывала: «Видела: расстреливали матросов внизу под горой, выстроены шеренгой... Стреляли долго, матросы были все раздетые. Холода стояли большие. Как падали, так и замерзали».

Из воспоминаний свидетеля П.Д. Мозжерина: «Когда стали подъезжать к Верхним Исадам, у самой деревни кучи заколотых матросов и в деревне также по всей улице. Днем нагледелся, как закалывали матросов, которых нашли где-нибудь, где они спрятались. Раздевали и тут же закалывали. У белых все штыки в крови, кровь замерзшая. Запах воздуха-то был смертный, так кровью все и дышало... Матросы лежали не зарытыми, пока были белые. После, когда никого не стало, по наряду стали копать ямы. Я копал в Нижних Исадах. Матросов было 400. В яму складывали крест-накрест. Ям было несколько».

Итак, 1-й и 2-й батальоны Кронштадтского полка в ночь с 12 на 13 декабря были окружены превосходящими силами белогвардейцев. 2-й батальон, расположенный в Сае, на Кузнецовском заводе, в Березовой Горе, пытался оказать сопротивление. Однако матросы 2-го батальона не имели

опыта боевых действий, и их сопротивление было незначительным. Ведь сдаться в плен, было решено еще до начала боя.

1-й батальон, как мы знаем, был к этому времени уже измотан в оборонительных боях, причем большая часть матросов была полностью деморализована. Поэтому, застигнутые врасплох неожиданным прорывом белогвардейцев, они в большинстве своем даже не пытались оказать сопротивление противнику. Что касается матросов-большевиков, то они большей частью погибли в бою, предпочтя смерть в бою плену. Считать, что в целом попавшие в окружение батальоны героически сопротивлялись и погибли в неравном бою, было бы неверно. Также неправильно было бы считать, что окруженные моряки не вступили в бой с белогвардейцами.

13 декабря помощник начальника 30-й дивизии Н.Д. Каширин передал начальнику полевого управления штаба 3-й армии И.И. Герасимову: «...можно сказать, что от Морского Кронштадтского полка ничего не осталось». На самом деле от полка остались вспомогательные подразделения: штаб полка хозяйственная рота, подрывная команда, часть саперной и команды связи, в общей сложности свыше 300 человек. В целом потери полка с 12 на 13 декабря составили порядка 700 человек, включая почти весь командный состав батальонов. Из них не менее 500 человек были зверски казнены. Впрочем, имеются сведения, что казнены все же были далеко не все добровольно сдавшиеся матросы. Часть колчаковцы все же оставили в живых и отправили на укомплектование Сибирской флотилии во Владивосток, т.к. сдавшиеся заявили, что против красных они воевать не будут.

Почему колчаковцы столь зверски расправились со сдавшимися матросами, ведь те же фактически перешли на их сторону? Казалось бы, где здесь логика? На самом деле в устроенном побоище у генерал-лейтенанта А.Н. Пепеляева и его казаков своя логика была – логика Гражданской войны. Именно матросов они, не без основания, считали главными демонами двух недавних революций, потрясших основы страны, главными пособниками большевиков, ниспровергателями Учредительного собрания, убийцами офицеров и заклятыми врагами православия. Уральские и сибирские казаки видели в матросах настоящее исчадие ада, а не живых людей. А потому и кромсали штыками и шашками матросов с убежденностью, что совершают благое для России и всего христианского мира дело. Кстати, о том, что представляют собой революционные матросы, генерал А.Н. Пепеляев знал, что говорится «из первых рук». Дело в том, что его старший брат В.Н. Пепеляев в марте 1917 года был назначен комиссаром Временного правительства в Кронштадт, где лично столкнулся со всеми ужасами «матросской кронштадтской революции». Кстати, когда перед колчаковцами стояли не матросы, а красноармейцы, их отношение к пленным было совсем иным. Когда 25 декабря 1918 войска генерала А.Н. Пепеляева заняли брошенную большевиками Пермь, взяв в плен около 20 тысяч красноармейцев, то всех их, по приказу А.Н. Пепеляева, просто отпустили по домам.

Гибель Кронштадтского полка, который принял на себя главный удар противника и был уничтожен, значительно осложнила положение 30-й дивизии. Более того, разгром Кронштадтского полка сильно повлиял на общее поражение Красной Армии в районе Перми в декабре 1918 года.

Дальнейшая судьба Кронштадтского полка выглядит следующим образом. По приказу начальника 30-й дивизии хозяйственная рота и остатки полка 14 декабря были отправлены в Кунгур. Деморализованные и озлобленные матросы начали там безобразничать. Придя к выводу, что от оставшихся кронштадтцев больше вреда, чем пользы, командование 30-й дивизии спровестило деморализованные остатки полка в количестве 372 человек, во главе с командиром полка Н.Ю. Татариновым и комиссаром С.В. Киселёвым, в Петроград.

Впрочем, не лучше, чем 1-й Кронштадтский полк проявили себя на Восточном фронте в конце 1918 года и другие революционные матросские формирования. 31 января 1919 года в «Отчете комиссии ЦК партии и Совета Обороны товарищу Ленину о причинах падения Перми в декабре 1918 года», члены комиссии И.В. Сталин и Ф.Э. Дзержинский писали: «1-й Кронштадтский морской полк (1248 человек) сдался в плен, 11-й отдельный батальон морской пехоты (834 человека) разбежался, 5-я полевая батарея Кронштадтской крепости арестована за зверское убийство командира, финны и эстонцы (1214 человек) отозваны обратно на запад».

Под Пермью дрался еще один матросский отряд - анархисты «Черные орлы». Часть источников утверждает, что «орлы» разбежались в первом же бою, другие наоборот, что анархисты дрались очень храбро и почти все погибли. Где правда, думаю, сегодня не скажет уже никто.

Сразу же после прибытия в Петроград, 27 декабря 1918 года 1-й Кронштадтский полк был расформирован. При этом большая часть оставшихся в живых матросов Кронштадтского полка была вскоре отправлена на укомплектование Волжско-Каспийской флотилии в Астрахань, что вскоре самым негативным образом сказалось на моральном состоянии матросов этой флотилии.

Трагедия Кронштадтского полка была использована большевистскими пропагандистами сразу в нескольких направлениях. Во-первых, было наглядно продемонстрировано, что красноармейцам сдаваться в плен врагу нельзя, ни при каких обстоятельствах. 7 января 1919 года орган Политотдела штаба 3-й армии газета «Красный набат» поместила следующую заметку «Расправа белых с пленными»: «Не так давно наша N часть, поддавшись контрреволюционной агитации, целиком сдалась в плен белым. И как же последние приняли перебежчиков? Они разоружили всех, затем раздели донага; связав и разложив на снегу, стали колоть тесаками и рубить шашками. Лишь небольшой части удалось избежать кровавой встречи. У многих спасшихся бегством насчитывалось до 15 колотых ран. По-видимому, такой случай отобьет у шкурников охоту переходить к белым».

Через неделю в «Известиях Вятского губисполкома» была помещена заметка «Зверская расправа белых со сдавшимися». В тексте, близком по

смысловому содержанию с заметкой в «Красном набате», было дано несколько более развернутое описание событий: «В первой половине декабря в двух батальонах Морского Кронштадтского полка усиленно велась контрреволюционная пропаганда кулацкими элементами из мобилизованного крестьянства. Агитация, к несчастью для этой усталой и деморализованной части, имела успех и в результате оба батальона, в бою 14 декабря, в числе 930 человек сдались белым. Белогвардейцы раздели их, приказали лечь на снег и стали рубить их тесаками и шашками... Ввиду такой зверской расправы, сдавшиеся начали перебегать обратно. Спаслось, таким образом, всего 213 человек, причем у некоторых было до 15 колотых ран».

В газете «Красный Балтийский флот» был помещен «Призыв» тринадцати матросов 1-го Морского Кронштадтского полка, бежавших из колчаковского плена. Обращаясь к матросам Красного флота, они призывали их «сомкнуться в стальные ряды вокруг Красного знамени и биться до последнего, ибо белые нам пощады не дадут... Пусть гордо, победно развеваются ленты Красного флота. Только Советская власть даст нам все...» Далее матросы писали: «Вперед! Кровь наших расстрелянных товарищей вызывает к отмщению. А их много: не найдешь ни одного уголка на Урале, где бы ни был расстрелян моряк. Обращая к вам свой призыв, передаем немую мольбу товарищей 1-го Кронштадтского Морского полка, гордо шедших на расстрел...»

Трагедия Кронштадтского полка, при всей ее незначительности, на фоне происходивших тогда в России масштабных процессов, имела самые серьезные последствия. Во-первых, она показала руководству Красной армии, что в начавшейся Гражданской войне, матросы при всей их революционной экзальтированности и напористости, не могут являться серьезной военной опорой, так как подвержены всем присущим революционной эпохи порокам: митинговости, крикливости, вседозволенности, пьянству и самоволию. При этом речь шла не о каких-то анархистских или эсеровских матросских ватагах, а о регулярных большевистских частях с комиссарами во главе. То, что вполне устраивало большевиков в матросах в 1917 году, к концу 1918 было уже совершенно неприемлемо.

Во-вторых, зверская расправа со сдавшимся в плен, стала для матросов настоящим шоком. Они-то думали, что смогут, как и раньше, во время обеих революций, легко менять свою партийную принадлежность, перебегая из одного политического лагеря в другой. Но не тут-то было! Как, оказалось, Гражданская война шла совсем по иным правилам и, взявший единожды в руки оружие, уже не мог рассчитывать на прощение противника. Именно теперь матросы поняли, что пощады в разгорающемся войне им не будет, а потому выход один – чтобы выжить самим – надо уничтожать врагов, причем не просто убивать кого-то конкретно, а выжигать все враждебное колесным железом на века вперед.

Трагедия Кронштадтского полка была умело использована для дальнейшего озлобления матросов против белогвардейцев. Отныне они

должны были не только бороться за установление Советской власти, а конкретно и беспощадно мстить за погибших товарищей. Ведь в любой Гражданской войне в окончательном итоге и побеждает именно тот, кто более жесток.

«Призыв тринадцати» стал, по существу, клятвой всей братвы в том, что отныне она будет расправляться с врагами с предельной жестокостью. Матросы во всеуслышание объявили себя жертвами революции и публично требовали возмездия своим палачам. Расправа с Кронштадтским полком мгновенно резко повысила градус взаимной ненависти между матросами и их оппонентами.

Кроме этого, трагедия Кронштадтского полка быстро обросла легендами, став своеобразным фундаментом зарождающейся революционной матросской мифологии. Годы спустя именно трагедии Кронштадтского полка Всеволод Вишневский посвятит свою знаменитую «Оптимистическую трагедию», а затем еще раз вернется к ней в фильме «Мы из Кронштадта».

При этом в использовании матросов в боевых действиях сложился определенный парадокс. Некоторое количество матросов (порой даже несколько человек) в составе армейских подразделений и соединений сразу же резко повышали их боеспособность, устойчивость в бою и массовый героизм всего личного состава. Однако воинские части, полностью укомплектованные матросами, наоборот, были подвержены (как и печально знаменитый 1-й Кронштадтский полк) митинговости, демагогии, а в тяжелых и затяжных боях оказывались весьма неустойчивы. Данный парадокс и определил использование матросов в сражениях Гражданской войны. В большинстве случаев их стремились распределять именно по армейским частям малыми партиями. Полностью же матросами стремились укомплектовывать, прежде всего, бронепоезда, бронеотряды и авиаотряды (где имелаась необходимость в их технической подготовке, а ведение боевых действий исключало столь нелюбимые матросами тяготы окопной жизни), а так же десантные отряды (где требовался разовый героический порыв и отчаянная дерзость, но сами боевые действия были скоротечными).

С началом Гражданской войны постепенно среди матросов началось размежевание. Если в начале 1918 года они представляли в общем-то достаточно однородную массу самого левацкого толка, не терпящую над собой никакой власти, то чем дальше шло время, ситуация менялась. Что касается оказавшихся на фронтах матросов, то среди них произошло естественное постепенное размежевание. Часть матросов осталась верными идеалам 1917 года, своим старым леворадикальным анархистским и левоэсеровским лозунгам, постепенно объективно оказались в лагере противников Советской власти, в повстанческих отрядах левого толка или вообще в откровенных бандах. Часть бывших матросов к концу Гражданской войны, полностью переродившись (наиболее классический пример тому - П.Е. Дыбенко), отреклись от радикальных матросских взглядов и понятий, трезво рассудив, что время матросской вольницы уже прошло и теперь следует обустроиваться в структурах советской власти. Командовать

дивизиями и армиями матросы не умели. Поэтому им нашли другое применение. Матросами-большевиками (а на первом этапе и не только большевиками) интенсивно комплектовали карательные отряды и отделы ВЧК. Как каратели, матросы значительно уступали в жестокости (все же русские люди!) в сравнении с китайцами, венграми и другими «интернационалистами». Что же касается ВЧК, то там матросам пришлось выдерживать серьезную конкуренцию с «приватизировавшими» ВЧК этническими группировками, в первую очередь, с евреями и латышами. Именно поэтому, пройдя через кровавую мясорубку ВЧК, многие из них, под любыми предлогами, затем уходили оттуда. Кто-то не выдерживал крови, а кто-то понимал, что, учитывая семейственность евреев и латышей, сделать ему карьеру в ЧК будет сложно.

После потери Гельсингфорса, Ревеля, утраты флота в Севастополе, единственным форпостом «классического» матросской революционности к концу Гражданской войны оставался только Кронштадт. Несмотря на все усилия советского руководства перевоспитать «Кронштадтскую республику», у него ничего не получалось. Кронштадт по-прежнему оставался гарантом чистоты матросского радикализма, хранителем матросских традиций 1917 года.

Нельзя сказать, что власть ничего не делала, чтобы изменить эту ситуацию. Постоянное формирование матросских отрядов и отправка их на фронты Республики, помимо чисто военной необходимости, одновременно являлось зачисткой Кронштадта от наиболее беспокойного элемента, с его последующей утилизацией. Как бы цинично это не звучало!

Но вот парадокс! Уход на фронты большого количества старых матросов (а уходили сражаться, как правило, самые радикальные и активные), вопреки надеждам большевиков, так не сделал оставшихся более послушными и терпимыми к власти. Дело в том, что каждое новое мобилизационное пополнение, прибывая в Кронштадт, быстро проходило там «революционные университеты». И уже через несколько месяцев вчерашние крестьянские пацаны по своим революционным убеждениям ничем не отличались от своих старших товарищей. Кронштадт стал, по существу, плавильным котлом, переплавляющим умы вчерашних крестьян и рабочих, которые вместе с тельняшкой обретали и матросскую мораль. Разумеется, с каждым новым призывом, в силу объективных обстоятельств, уровень технической и военно-морской подготовки падал, зато недоученная матросская молодежь компенсировала это верой в свою матросскую исключительность и революционную избранность.

По этой причине, несмотря на внешнюю подчиненность Кронштадта Москве, никто из представителей большевистской власти до февраля 1921 года не мог чувствовать себя там спокойно. Представителям центра и комиссарам приходилось все время лавировать, чтобы не спровоцировать кронштадцев на выступление против власти, что в условиях Гражданской войны было бы смертельно подобно. Если провести аналогию с кипящим котлом, то большевикам периодически удавалось снижать давление пара путем

отправки самых нетерпимых по фронтам, но полностью погасить «кронштадтский огонь» они так и не смогли. Более того, все прекрасно понимали, что с окончанием боевых действий, в Кронштадт начнет массово возвращаться с фронтов старая гвардия, имеющая и боевой опыт, и большой авторитет. Какую позицию займут «годки от революции» по отношению к Советской власти и к чему они призовут «Кронштадтскую республику» не знал никто.

По этой причине, руководство большевиков серьезно волновал вопрос: что делать с Кронштадтом дальше, когда закончится Гражданская война? Бесконечно терпеть капризы матросов было нельзя, но и первыми начинать с ними войну тоже было опасно.